

НАДЕЖДА ПОРОШИНА САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА

Разорвать цепь

— ЧАСТЬ 3 —

ПРОШЛОЕ
НЕ ДОЛЖНО
ОПРЕДЕЛЯТЬ
ИХ БУДУЩЕЕ.

МОЖНО
ОШИБАТЬСЯ,
СЕРДИТЬСЯ,
УХОДИТЬ
И ВОЗВРАЩАТЬСЯ.
И ВСЁ РАВНО
БЫТЬ ЛЮБИМЫМ.

Я выбираю
другую историю...
Для себя.
Для тебя.
Для нас. ♥

ПРИНЯТЬ

ПОНЯТЬ

ОТПУСТИТЬ

РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН
О СЕМЬЕ, КОТОРАЯ ВЫБИРАЕТ ЛЮБОВЬ, А НЕ СТРАХ.

САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА: остросюжетный роман

Надежда Порошина

**САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА:
Разорвать цепь. Часть 3**

«Автор»

2026

Порошина Н. А.

САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА: Разорвать цепь. Часть 3 /
Н. А. Порошина — «Автор», 2026 — (САМАЯ ЛУЧШАЯ
МАМА: остросюжетный роман)

После исчезновения Артём найден, но счастливого возвращения недостаточно. Мальчик уверен: любовь родителей зависит от его поведения. Он скрывает ошибки, запирает девочку в игровом домике, прячет документы матери и берёт чужую игрушку. Лине предстоит самое трудное — увидеть в сыне не только пострадавшего ребёнка, но и человека, способного причинить боль. Она должна сохранить любовь, не отменяя последствий, и признать собственные ошибки, не превращая вину в новый контроль. Мария решается уйти от мужа, Сергей учится жить без прощения как награды, а Андрей — говорить правду до появления трещин. Шаг за шагом семья создаёт новые правила: можно сердиться и оставаться рядом, уходить и возвращаться, ошибаться и не переставать быть любимым. Финальная часть романа о разрыве семейного сценария, честном прощении и материнстве без требования быть идеальной.

© Порошина Н. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ III. РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ. Глава 21. После того как его нашли	5
Глава 22. Правила хорошего мальчика	16
Глава 23. Бабушка, которая решила уйти	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Порошина

САМАЯ ЛУЧШАЯ МАМА:

Разорвать цепь. Часть 3

ЧАСТЬ III. РАЗОРВАТЬ ЦЕПЬ.

Глава 21. После того как его нашли

На следующий день Артём проснулся раньше родителей.

Лина почувствовала, как он осторожно выбрался из кровати, и сразу открыла глаза.

— Ты куда?

Мальчик замер.

— В туалет.

— Почему не разбудил меня?

— Ты спала.

— Нужно было сказать.

Артём посмотрел на дверь, до которой оставалось несколько шагов.

— Можно?

Лина поняла, что произнесла, только услышав собственный голос.

— Конечно. Тебе не нужно спрашивать разрешения, чтобы сходить в туалет.

Он вышел.

Лина села. Сердце билось быстро, словно сын снова мог исчезнуть за дверью.

Андрей лежал рядом с закрытыми глазами.

— Ты не спишь, — сказала она.

— Не сплю.

— Нужно убрать замки повыше.

— Зачем?

— Чтобы он не смог открыть входную дверь.

Андрей повернулся к ней.

— Он не уходил из детского сада.

— Мог уйти.

— Но не ушёл.

— В следующий раз может.

— Какой следующий раз?

Лина встала.

— Я не знаю. Поэтому и хочу поставить дополнительный замок.

— Чтобы он оказался заперт в квартире?

— Чтобы был в безопасности.

— А при пожаре?

— Замок будем открывать мы.

— Если нас не будет рядом?

Она резко посмотрела на него.

— Мы не будем оставлять его одного.

— Никогда?

Лина вспомнила собственные обещания.

— Пока он маленький.

— Он будет расти.

— Сейчас ему пять.
— Именно. С ним нужно разговаривать, а не превращать квартиру в клетку.
— Ты говоришь так, будто я хочу посадить его в клетку.
— Ты хочешь сделать так, чтобы он физически не мог исчезнуть. Я понимаю почему. Но замок не объяснит ему, что произошло.
Артём вернулся и остановился в дверях.
— Вы ругаетесь из-за меня?
— Нет, — одновременно ответили родители.
Мальчик нахмурился.
Лина первой исправилась:
— Мы спорим о том, как сделать дом безопаснее. Вчера мы очень испугались.
— Потому что я спрятался.
— Да.
Артём опустил голову.
— Значит, из-за меня.
— Нет, — сказал Андрей. — Мы спорим не потому, что ты плохой. Мы просто думаем по-разному.
— А кто прав?
Родители переглянулись.
— Пока не знаем, — ответила Лина.
Мальчик удивился.
— Взрослые всегда знают.
— Нет, — сказал Андрей. — Иногда только делают вид.
За завтраком Артём почти не говорил. Ел кашу маленькими ложками и каждый раз поглядывал на маму.
— Вкусно? — спросила Лина.
Он кивнул.
— Если не нравится, можно сказать.
— Нравится.
— Точно?
— Точно.
Через несколько минут мальчик отодвинул тарелку.
— Я наелся.
— Ты почти ничего не съел.
Лина увидела, как он напрягся.
— Ничего страшного, — быстро добавила она. — Можешь вообще не есть.
Андрей поднял глаза.
— До обеда ничего другого не будет.
— Почему?
— Потому что завтрак уже приготовлен. Если не хочет — может не есть, но печенье через десять минут мы не дадим.
— Сейчас не время проявлять строгость.
— Это не строгость.
Артём смотрел то на отца, то на мать.
— Я доем.
Он придвинул тарелку и начал торопливо есть.
Лина забрала у него ложку.
— Не нужно.
— Но папа сказал...

— Я сказал, что можно не есть, — объяснил Андрей. — Просто следующий приём пищи будет в обед.

— А мама расстроится?

— Нет, — ответила Лина.

Слишком быстро.

Артём внимательно изучал её лицо.

— Чуть-чуть расстроюсь, что тебе не понравилась моя каша, — призналась она. — Но это моё чувство. Ты не обязан есть, чтобы я перестала расстраиваться.

— Ты приготовишь другую?

— Нет. Сегодня нет.

— Тогда я плохой?

— Нет.

— А каша плохая?

Андрей с трудом скрыл улыбку.

— Возможно, каша просто неудачная.

Лина попробовала её и поморщилась. Она действительно пересолила.

— Очень неудачная.

Артём засмеялся.

Напряжение исчезло ненадолго.

В детский сад они не пошли.

Заведующая попросила оставить ребёнка дома до завершения внутренней проверки. Лина согласилась. Самой ей было страшно возвращаться в здание, где сын просидел почти час за декорациями.

Воспитательница позвонила и плакала.

— Я должна была всё проверить. Не понимаю, как не заметила.

— Декорации стояли близко к стене.

— Это не оправдание. Я сказала полиции, что виновата.

— Главное, что он нашёлся.

Лина произнесла фразу и поняла, что говорит теми же словами, которыми взрослые часто закрывают разговор о последствиях.

Главное, что всё закончилось хорошо.

Главное, что никто не пострадал.

Главное, что семья сохранилась.

— Но нужно понять, как такое стало возможным, — добавила она. — Чтобы больше ни один ребёнок не смог там спрятаться.

— Декорации убрали. Выходы будут контролировать.

— Спасибо.

— Вы будете писать жалобу?

Лина не знала.

Ответственность детского сада была очевидна: после праздника калитка оставалась открытой, ребёнка не хватились сразу, пространство за сценой не проверили.

Но воспитательница не заставляла Артёма прятаться.

— Я ещё не решила.

— Понимаю.

— Ирина Павловна, вы можете рассказать, как он вёл себя перед выступлением?

— Нервничал. Несколько раз повторял стих. Спросил, можно ли не выходить.

— И что вы ответили?

— Что мама расстроится. Все родители пришли посмотреть.

Лина закрыла глаза.

Ещё один взрослый сказал сыну, что чувства матери зависят от его поведения.

— Вы заметили, что он испугался?

— Все дети волнуются.

— Он спрашивал, можно ли отказаться.

— Но тогда остальные тоже захотели бы.

— Значит, он не мог отказаться?

— Лина Андреевна, это обычный утренник, а не наказание.

— Для него оказался наказанием.

Воспитательница замолчала.

— Вы считаете, я виновата?

— Я считаю, мы все пропустили момент, когда ему стало страшно.

После разговора Лина нашла Артёма под столом.

Он сидел среди стульев и катал маленькую машинку.

— Что ты здесь делаешь?

— Играю.

Лина почувствовала, как возвращается паника.

— Выйди.

— Я дом построил.

— Артём, немедленно выйди из-под стола.

Он испуганно пополз к ней.

Лина прижала его к себе.

— Больше никогда не прячься.

— Я не прятался.

— Ты сидел под столом.

— Ты меня видела.

— А если бы не увидела?

— Я бы вышел.

— Обещай, что больше не полезешь туда.

— Обещаю.

Он ответил быстро, лишь бы мама перестала сердиться.

Лина поняла это, но уже не могла забрать свои слова.

До вечера она не отпускала сына одного ни на минуту.

Если он уходил в детскую, шла следом. Если закрывал дверь туалета, стояла в коридоре.

На прогулке держала за руку даже на огороженной площадке.

— Я сам, — просил Артём.

— Здесь много людей.

— Я не убегу.

— Знаю.

Но руку не отпускала.

Андрей вернулся раньше обычного и некоторое время наблюдал за ними.

— Лина, можно тебя?

— Говори здесь.

— Лучше на кухне.

— Я не хочу оставлять его одного.

— Я в комнате.

— Но если он...

Она замолчала.

Артём сидел на ковре и всё слышал.

— Малыш, поиграй с папой, — сказала Лина. — Я приготовлю чай.

На кухне Андрей закрыл дверь.

— Так не может продолжаться.

— Прошли только сутки.

— За эти сутки ты не позволила ему самостоятельно дойти до туалета.

— Ты откуда знаешь?

— Он рассказал.

— Я просто спросила, куда он идёт.

— И заставила спрашивать разрешение.

— Я не заставляла.

— Лина, он боится сделать шаг без твоего согласия.

— Потому что вчера без разрешения спрятался.

— Он спрятался не из-за избытка свободы.

Она отвернулась.

— Я должна была заметить раньше.

— Должна. И я тоже.

— Ты пришёл в последний момент.

— Потому что работа снова оказалась важнее.

— Я сказала ему не подводить меня.

— А воспитательница — что ты расстроишься, если он откажется выступать.

— Значит, все виноваты.

— Речь не о том, кого назначить виновным.

— А о чём?

— О том, что делать дальше.

Лина взяла чашку, но рука дрожала.

— Я не знаю.

— Поэтому нам нужна помощь.

— Какая?

— Детский психолог.

Она резко повернулась.

— Я сама психолог.

— Ты его мать.

— Я понимаю, что произошло.

— Тогда почему не отпускаешь его руку на детской площадке?

Лина поставила чашку.

— Потому что чуть его не потеряла.

— Вот именно. Ты не можешь сейчас смотреть на ситуацию только как специалист.

— А чужой человек сможет?

— Сможет увидеть то, чего мы не видим.

Лина услышала в его словах недоверие к собственной компетентности.

Почти возразила.

Потом вспомнила документы из синего пальто. Мария тоже однажды решила, что семья справится без помощи.

— Хорошо, — сказала Лина. — Найдём специалиста.

Детского психолога звали Елена Олеговна.

Она работала в небольшом центре на другом конце города. В кабинете стояли кукольный дом, коробки с игрушками и песочный стол.

На первой встрече психолог разговаривала только с родителями.

— Расскажите, что произошло, — попросила она.

Лина подробно описала праздник и поиски.

- Вы нашли его сами?
- Да.
- Что сделали?
- Села рядом. Не стала вытаскивать.
- Почему?
- Увидела, что он боится моей реакции.
- Вы сердились?
- Да. Но сильнее боялась.
- Сказали ему об этом?
- Сказали позже.

Елена Олеговна сделала запись.

- Раньше он прятался?
 - Нет.
 - Спрашивал, любите ли вы его?
 - Часто.
 - Как вы отвечаете?
 - Что любим всегда.
 - Он верит?
- Лина помолчала.
- Не знаю.
 - Что происходит, когда Артём ошибается?
 - Мы объясняем.
 - Наказываете?
 - Иногда лишаем мультфильмов.
 - Кричите?
 - Стараемся не кричать.
 - Но кричите?
 - Иногда.
 - Извиняетесь?
 - Да.
 - Отменяете границу после извинения?

Вопрос оказался неожиданным.

- Что вы имеете в виду?

— Например, Артём ударил другого ребёнка. Вы накричали, потом почувствовали вину.

Что будет дальше?

- Я попрошу прощения за крик.
- А последствие за удар останется?

Лина задумалась.

В последние два дня она разрешала сыну почти всё. Он отказался убирать игрушки — убрала сама. Попросил сладкое перед ужином — дала. Не захотел чистить зубы — не стала настаивать.

Она боялась, что любое требование снова заставит его почувствовать себя плохим.

- Сейчас я не хочу его наказывать, — призналась она.
 - Почему?
 - Потому что он и так боится потерять нашу любовь.
 - Но отсутствие правил не доказывает любовь. Иногда оно только усиливает тревогу.
- Андрей наклонился вперёд.
- Что нам делать?

— Сначала перестать верить ему, что вы никогда не рассердитесь. Это неправда. Вы будете сердиться.

Лина напряглась.

— И он снова начнёт бояться.

— Ему важно узнать, что гнев близкого человека можно пережить. Мама может сердиться и не исчезнуть. Папа может быть недоволен и продолжать любить. Ошибка имеет последствия, но не лишает ребёнка отношений.

— Мы так и говорим.

— Слова важны. Но ребёнок больше верит повторяющемуся опыту.

— Какой опыт у него сейчас? — спросил Андрей.

Психолог посмотрела в записи.

— Мама постоянно боится не вернуться вовремя. Папа иногда исчезает в работе и однажды уходит с полицейскими. Бабушка скрывает неприятные события, чтобы не расстраивать маму. Воспитательница требует выступить ради чувств родителей. Артём делает вывод: безопасность семьи зависит от того, насколько правильно он себя ведёт.

Лина почувствовала боль.

— Значит, мы уже всё испортили?

— Нет.

— Но он спрятался из-за меня.

— Из-за сочетания многих обстоятельств. Вы не можете изменить вчерашний день. Зато можете показать, что происходит после ошибки.

— Что именно?

— Правда. Ответственность. Восстановление.

Елена Олеговна закрыла блокнот.

— И ещё: перестаньте постоянно спрашивать, всё ли у него хорошо.

— Почему?

— Потому что он начинает искать правильный ответ.

Лина вспомнила, сколько раз спрашивала:

«Ты не обиделся?»

«Тебе не страшно?»

«Ты точно меня любишь?»

Даже забота могла стать допросом.

На следующую встречу привели Артёма.

Елена Олеговна не стала спрашивать о детском саде. Предложила выбрать фигурки и построить дом.

Артём поставил маму в центре самой большой комнаты. Папу — возле двери. Бабушку — за окном.

Маленькую фигурку мальчика спрятал под кровать.

— Почему он там? — спросила психолог.

— Ждёт.

— Чего?

— Когда мама перестанет сердиться.

— Она сердится?

— Да.

— На него?

— Он сломал дом.

— Что произойдёт, если он выйдет?

Артём задумался.

— Мама заплачет.

— А потом?

— Заболеет.

Лина сидела за зеркальным стеклом в соседней комнате и слышала каждое слово.

Мария никогда прямо не говорила внуку, что может заболеть из-за него. Лина тоже не говорила.

Но дети слышали не только слова.

Они замечали, как взрослые хватаются за сердце во время ссоры. Как мать бледнеет от разбитой чашки. Как бабушка говорит: «Не расстраивай маму». Как отец уходит, когда разговор становится тяжёлым.

— Что должен сделать мальчик, чтобы мама не заболела? — спросила Елена Олеговна.

— Быть тихим.

— А если он не может?

Артём передвинул фигурку глубже под кровать.

— Тогда пусть его не видно.

Лина закрыла рот ладонью.

Андрей взял её за руку.

После встречи они долго сидели в машине.

— Я думала, он прятался один раз, — сказала Лина. — А он всё время прячется. Просто раньше оставался рядом.

— Теперь мы это знаем.

— Что будем делать?

— То, что сказала психолог.

— А если не поможет?

— Продолжим.

— А если мы опять ошибёмся?

Андрей посмотрел на неё.

— Ошибёмся.

Раньше такой ответ напугал бы её.

Теперь в нём была опора.

Дома Артём отказался собирать конструктор.

— Я устал.

Лина почти сказала: «Хорошо, я сама».

Но остановилась.

— Понимаю. Всё равно нужно убрать детали с пола, чтобы мы не наступили.

— Не буду.

— Тогда я помогу, но ты тоже участвуешь.

— Я плохой?

— Нет. Ты не хочешь убирать игрушки.

— Ты сердишься?

— Немного.

Артём замер.

Лина села на ковёр.

— Я всё равно здесь.

— Ты не уйдёшь?

— Сейчас не уйду. Когда закончим, пойду готовить ужин и скажу тебе об этом.

— А если я не уберу?

— Конструктор отправится на верхнюю полку до завтра.

— Значит, ты меня накажешь.

— У твоего решения будет последствие. Но вечером мы всё равно почитаем книгу и обнимемся перед сном.

Артём смотрел на неё, проверяя лицо.

Потом взял одну деталь.

— Ты поможешь?

— Да.

Они собирали молча.

Несколько раз мальчик поглядывал на дверь.

Лина не убеждала его, что всё хорошо.

Она просто оставалась рядом.

Перед сном Артём спросил:

— Ты сегодня сердилась?

— Да.

— А сейчас?

— Уже нет.

— Потому что я убрал?

Лина задумалась.

— Я перестала сердиться не потому, что ты заслужил мою любовь. Злость просто прошла.

Она всегда проходит.

— А любовь?

— Любовь может оставаться, даже когда мы сердимся.

— У бабушки осталась?

— К кому?

— К дедушке.

Вопрос застал её врасплох.

— Не знаю. Это нужно спросить у бабушки.

— А у тебя к папе?

— Осталась.

— Даже когда дом сломался?

— Даже тогда.

Артём повернулся на бок.

— Я больше не буду прятаться.

— Я рада это слышать. Но если однажды тебе снова станет страшно, скажи или найди взрослого.

— А если я забуду?

— Тогда будем разбираться после.

Он закрыл глаза.

Лина выключила ночник и подошла к двери.

— Мама?

— Да?

— Оставь открытой.

— Хорошо.

Она оставила узкую полоску света.

На кухне Андрей разговаривал по телефону. Увидев жену, закончил разговор.

— Кто звонил?

— Следователь.

— Что-то новое?

— Руководителю компании предъявили обвинение. Нашли переписку с поставщиком.

— Значит, с тебя окончательно сняли подозрения?

— Пока да.

Лина заметила это слово.

Раньше оно вызвало бы тревогу.

Сейчас она только кивнула.

— Хорошо.

— Ещё звонила твоя мама.

— Мне?

— Тебе не дозвонилась. Хотела узнать про Артёма.

Лина достала телефон. Три пропущенных вызова.

— перезвоню завтра.

— Не сейчас?

— Нет. Сегодня я устала.

Она не стала придумывать оправдание.

Не стала звонить из страха, что мать обидится или заболеет.

Просто положила телефон на стол.

В детской тихо дышал Артём. Дверь оставалась открытой, но Лина не пошла проверять.

После того как ребёнка находят, история не заканчивается.

Иногда именно после этого начинается самая трудная часть: помочь ему перестать прятаться там, где взрослые по-прежнему могут его видеть.

Глава 22. Правила хорошего мальчика

Перед возвращением Артёма в детский сад Лина трижды проверила, закрыта ли калитка. На входе теперь установили магнитный замок. Родители проходили по электронным картам, а после праздников детей должны были передавать взрослым только под подпись. Пространство за сценой освободили от декораций.

Заведующая лично показала Лине журнал безопасности.

— Мы выполнили все предписания.

— Спасибо.

— Воспитатель получила дисциплинарное взыскание.

Лина посмотрела на Ирину Павловну. Та стояла возле двери группы и делала вид, что занята детскими рисунками.

— Я не просила её увольнять.

— Не уволили. Но ответственность должна быть.

С этим Лина не могла спорить.

Она присела перед сыном.

— Я приду после полдника.

— Сама?

— Сама.

— А если работа?

— Если задержусь, позвоню Ирине Павловне и тебе скажут.

— А если не позвонишь?

— Тогда воспитатель позвонит мне или папе.

— А если вы оба не ответите?

Вопросы продолжались, хотя все варианты они обсудили дома.

— Тогда позвонят бабушке или дедушке.

— А если никто?

— Кто-нибудь обязательно ответит.

Лина услышала собственные слова и остановилась.

Она не могла обещать, что все взрослые всегда будут доступны.

— Если сразу никто не ответит, ты останешься с воспитателем в группе, — исправилась она. — Один не будешь.

— Точно?

— В садике есть правила. Взрослые должны им следовать.

Артём посмотрел на калитку.

— А если они ошибутся?

— Тогда будут исправлять ошибку. Как мы.

Он кивнул, но руку не отпустил.

— Хочешь, я побуду с тобой ещё немного?

— Нет.

Ответ прозвучал слишком быстро.

Артём выпрямился.

— Я не боюсь.

— Можно бояться.

— Я уже большой.

— Большие тоже боятся.

— Папа не боится.

— Боится. Просто не всегда говорит.

Мальчик задумался.

— Ты можешь пойти, — сказал он.

Лина обняла сына.

— До вечера.

— После полдника.

— После полдника.

Он вошёл в группу и не обернулся.

Лина стояла в коридоре, пока дверь не закрылась. Затем заставила себя уйти.

Первые два часа она проверяла телефон каждые несколько минут. Из детского сада не звонили.

На работе Лина принимала женщину, которая жаловалась на восьмилетнюю дочь.

— Она специально выводит меня из себя, — говорила клиентка. — Я прошу убрать игрушки, а она смотрит и ничего не делает. Знает, как мне тяжело, и всё равно провоцирует.

— Откуда ребёнок знает, насколько вам тяжело?

— Я объясняю. Она должна понимать, что я одна её воспитываю.

— Что должна сделать дочь с этим знанием?

Женщина замолчала.

Лина задала вопрос и услышала в нём собственную историю.

Что должен сделать ребёнок с болью взрослого?

Стать удобнее.

Не плакать.

Не ошибаться.

Не уходить за декорации.

Телефон зазвонил в половине первого.

На экране появился номер детского сада.

— Да?

— Лина Андреевна, это заведующая. Вам нужно приехать.

Лина встала.

— Что с Артёмом?

— Физически всё нормально.

— Тогда что случилось?

— Произошёл инцидент с другим ребёнком.

— Какой?

— Приезжайте. Лучше обсудить лично.

До детского сада Лина добралась за пятнадцать минут.

У кабинета заведующей стояла незнакомая женщина. Она держала за руку девочку из группы Артёма. Лина видела её на утренниках — светловолосую, с двумя короткими косичками.

Лицо девочки было заплаканным.

— Это его мать? — резко спросила женщина.

Заведующая вышла в коридор.

— Давайте сначала зайдём в кабинет.

— Я хочу, чтобы она посмотрела, что сделал её сын.

Лина присела на корточки.

— Тебя зовут Вика?

Девочка прижалась к матери.

— Не разговаривайте с ней, — потребовала женщина. — Вы сначала со своим ребёнком поговорите.

— Хорошо.

Лина выпрямилась.

— Где Артём?

— С психологом сада, — ответила заведующая. — Ирина Павловна рядом.

В кабинете находились заведующая, воспитательница и мама Вики. Лину посадили напротив.

— Во время свободной игры дети строили дом из больших мягких модулей, — начала заведующая. — Между Артёмом и Викторией произошла ссора.

— Она всё сломала, — раздался голос сына из дверей.

Артём стоял рядом с психологом.

— Я просила подождать в соседней комнате, — сказала заведующая.

— Я хочу к маме.

Он подошёл к Лине и попытался сесть ей на колени. Она обняла его, но посадила на стул рядом.

— Слушаем дальше.

Мальчик напрягся.

— Виктория случайно задела конструкцию, и она упала, — продолжила заведующая. — Артём потребовал, чтобы она восстановила дом.

— Я строил долго, — сказал он.

— Понимаю, — ответила Лина. — Но что произошло потом?

— Ничего.

Воспитательница посмотрела на заведующую.

— Артём позвал Вику в игровой домик. Когда она вошла, придвинул к двери стол и не позволял выйти.

Лина повернулась к сыну.

— Это правда?

— Дверь застряла.

Мама Вики ударила ладонью по столу.

— Не застряла! Он её запер!

— Елена, пожалуйста, — остановила её заведующая.

— Моя дочь кричала и звала воспитателя. А ваш мальчик стоял снаружи и говорил, что плохие дети должны сидеть одни!

Лина почувствовала, как становится трудно дышать.

— Артём, ты это сказал?

Он смотрел в пол.

— Она сломала дом.

— Я спрашиваю не об этом.

— Она должна была исправить.

— Ты закрыл её внутри?

— Нет.

— Артём.

— Дверь сама.

Ирина Павловна положила на стол планшет.

— В группе установлена камера. Мы посмотрели запись.

На экране дети строили дом. Вика прошла слишком близко, задела стену, и мягкие модули рассыпались. Артём закричал на неё. Девочка попыталась уйти, но он взял её за руку и подвёл к пластиковому игровому домику.

Вика вошла внутрь.

Артём придвинул к двери детский стол.

Девочка попыталась выйти, но он держал стол обеими руками.

На записи не было звука. Однако движения были понятны без слов.
Артём заплакал.
— Выключите.
Заведующая остановила видео.
— Сколько она находилась там? — спросила Лина.
— Около четырёх минут. Воспитатель услышала крик.
— Четыре минуты? — возмутилась мама Вики. — Вы понимаете, что у неё случилась истерика? Она боится замкнутых помещений!
— Я не знал, — прошептал Артём.
— Ты не имел права закрывать её, даже если бы она не боялась, — сказала Лина.
Сын посмотрел на неё.
— Я плохой?
— Ты сделал плохой поступок.
— Значит, плохой.
— Нет. Но то, что ты сделал, нельзя оправдывать.
— Она первая сломала!
— Случайно.
— Она смеялась.
Вика всхлипнула.
— Я не над тобой смеялась.
— Смеялась!
— Даже если Вика смеялась, ты не мог запирасть её, — сказала Лина.
Артём сполз со стула и спрятался за её спиной.
— Не надо делать из него жертву, — произнесла мать девочки.
Лина повернулась к ней.
— Я не оправдываю сына.
— Тогда накажите.
— Последствия будут. Но обсуждать их при вашей дочери я не стану.
— А она должна теперь бояться ходить в сад?
— Нет.
Лина посмотрела на Вику.
— Мне очень жаль, что Артём так поступил. Ты не была виновата в том, что дом случайно упал. И даже если бы сделала это специально, никто не имел права запирасть тебя.
Девочка подняла глаза.
— Он сказал, мама за мной не придёт.
Лина почувствовала холод.
— Чья мама?
— Моя. Он сказал, плохих детей мамы оставляют.
Артём закрыл лицо руками.
В комнате стало тихо.
— Я так не говорила, — сказала мама Вики. — Никогда.
— Я понимаю, — ответила Лина.
Она повернулась к сыну.
— Почему ты сказал такое?
— Не знаю.
— Подумай.
— Она не хотела чинить.
— И ты решил её напугать?
Он не отвечал.

— Артём.

— Я тоже боялся.

— Когда?

— Там. За домиком.

— Поэтому захотел, чтобы Вика почувствовала то же самое?

Он кивнул.

Мама девочки прижала дочь к себе.

— Я требую, чтобы этого ребёнка перевели в другую группу.

— Решение будет принято после разговора со специалистами, — сказала заведующая.

— Какие ещё специалисты? Он опасен.

Артём услышал.

Лина увидела, как изменилось его лицо.

Ей хотелось немедленно защитить сына. Объяснить, что он пережил сильный страх, что ему всего пять лет, что детский сад сам допустил его исчезновение.

Все объяснения были правдивыми.

Но ни одно не отменяло четырёх минут, которые Вика провела за закрытой дверью.

— Я понимаю ваше требование, — сказала Лина. — Нам нужно обсудить, как обеспечить безопасность Вики.

Женщина немного успокоилась.

— Завтра она сюда не придёт.

— Артём тоже.

— Я не хочу больше его видеть, — прошептала Вика.

Мальчик заплакал сильнее.

Лина взяла его за руку.

— Сейчас мы уйдём.

— Ты меня забираешь навсегда?

— Сегодня — домой. Дальше решим вместе с воспитателем и психологом.

— Ты сердишься?

— Да.

Он попытался выдернуть руку.

Лина не удерживала силой.

— Но я поеду с тобой, — добавила она. — И останусь твоей мамой.

В машине Артём сидел молча.

— Ты скажешь папе? — спросил он, когда они остановились возле дома.

— Да.

— Не говори.

— Почему?

— Он расстроится.

— Папа должен знать.

— Я больше так не буду.

— Я надеюсь. Но правда не исчезает от обещания.

— Бабушка сказала, иногда можно не говорить, чтобы никто не волновался.

Лина закрыла глаза.

— Бабушка ошиблась.

— Она взрослая.

— Взрослые тоже ошибаются.

— Тогда откуда знать, кого слушать?

Вопрос оказался слишком сложным.

— Есть правила, которые защищают людей, — ответила Лина. — Нельзя запира́ть дру-
гого человека. Нельзя делать больно. Нельзя заставля́ть молча́ть о том, что его напугало.

— А ты заставля́ла меня́ выйти из-под стола.

— Да. И говори́ла сли́шком резко. Но ты мог выйти́ сам.

— А Вика не могла.

— Потому что ты держал дверь.

Артём отвернулся к окну.

— Я плохой.

— Нет.

— Все так думают.

— Вика может сейчас так думать. Её́ мама тоже.

— А ты?

Лина заставила себя́ не отвечать автоматически.

— Я думаю, ты испугал другого ребёнка. Мне больно́ это признавать. Но я люблю́ тебя́
и буду́ помогать тебе́ научи́ться поступа́ть иначе́.

— Даже если меня́ выгоня́т из сади́ка?

— Даже тогда́.

Дома Андрей выслушал молча́.

Артём стоял перед ним, опу́стив голо́ву.

— Почему́ ты не сказа́л правду́ сразу? — спросил отец.

— Боя́лся.

— Чего́?

— Что вы меня́ отда́дите.

— Куда́?

— Не знаю. Плохи́х куда́-то отда́ют.

Андрей посмотре́л на Лину.

— Ни́кто тебя́ не отда́ст.

— Точно́?

— Точно́.

— Ни́когда́?

Андрей помолча́л.

— Мы отве́чаем за тебя́ и бу́дем рядом. Даже когда́ ты оши́баешься.

— А поли́ция тебя́ забира́ла.

— Потому́ что взрослые разбира́лись в моих поста́пках. Но ма́ма продо́лжала меня́
люби́ть.

— Она́ серди́лась.

— О́чень.

Лина села́ рядом.

— И па́па всё́ равно́ верну́лся до́мой.

— Потому́ что хоро́ший?

— Потому́ что это́ его́ до́м, — отве́тила она́.

Артём задума́лся.

— А мой до́м где́?

— С на́ми.

— Даже если я плохой?

— Даже если ты соверша́ешь плохи́е поста́пки.

— Тогда́ меня́ не бу́дут нака́зывать?

— Бу́дут поста́ствия, — сказа́л Андре́й.

Мальчи́к на́прягся.

— Какие?

— Сегодня без мультфильмов, — начал Андрей.

Лина остановила его:

— Мультфильмы не связаны с тем, что произошло.

— Тогда что предлагаешь?

— Сначала Артём должен рассказать Елене Олеговне всё сам. Потом написать или нарисовать для Вики извинение. Но она не обязана его принимать.

— А садик?

— Пока он туда не пойдёт. Мы составим план с психологом и заведующей.

Артём посмотрел на игрушки.

— Я могу играть?

Лина задумалась.

Ей хотелось лишить его всего приятного, чтобы он почувствовал серьёзность проступка. Но страх и стыд уже были частью произошедшего. Дополнительное страдание не учило ответственности.

— Можешь. Но сегодня мы уберём игровой домик.

— Почему?

— Потому что ты использовал закрытое пространство, чтобы напугать Вику. Пока мы не убедимся, что это больше не повторится, играть с дверью будешь только со взрослыми.

— Это наказание?

— Это правило безопасности.

— А если я больше никогда?

— Тогда домик вернётся.

Артём кивнул.

Вечером они поехали к Елене Олеговне.

Психолог выслушала рассказ мальчика. Не называла его плохим и не позволяла менять тему.

— Чего ты хотел, когда держал дверь? — спросила она.

— Чтобы Вика поняла.

— Что именно?

— Нельзя всё ломать.

— Ты хотел её научить?

— Да.

— А кто решил, что ты можешь быть её учителем?

Артём пожал плечами.

— Папа учит рабочих.

— А мама?

— Учит людей не ругаться.

— Бабушка?

— Учит меня быть осторожным.

— Получается, все взрослые кого-то учат. А ты тоже захотел?

Он кивнул.

— Только Вика не могла уйти с твоего урока.

— Она не слушала.

— Поэтому ты её напугал?

— Немножко.

— Она плакала.

— Я тоже плакал.

— Когда тебе было страшно, тебе хотелось, чтобы страшно стало ещё кому-то?

Артём задумался.

— Тогда я не один.

Лина почувствовала, как сжалось сердце.

Страх тоже искал компанию.

Если его не разделяли безопасно, он заставлял другого человека страдать рядом.

— Что ещё ты сказал Вике? — спросила психолог.

— Что мама не придёт.

— Почему?

— Плохих не забирают.

— Кто тебе это сказал?

— Никто.

— Откуда ты решил?

Артём молчал.

Потом достал из кармана сложенный лист.

— У меня правила.

Лина не знала о нём.

Елена Олеговна развернула бумагу.

На ней детскими печатными буквами были написаны короткие фразы. Некоторые слова Артёму явно помог написать кто-то старше.

«НЕ ПЛАКАТЬ НА СЦЕНЕ».

«НЕ ЛОМАТЬ».

«НЕ МЕШАТЬ МАМЕ РАБОТАТЬ».

«НЕ ЗЛИТЬ ПАПУ».

«НЕ ПУГАТЬ БАБУШКУ».

«ЕСЛИ ОШИБСЯ — ИСПРАВЬ ДО ТОГО, КАК УВИДЯТ».

«ЕСЛИ НЕ МОЖЕШЬ — СПРЯЧЬСЯ».

Последняя строка была обведена:

«ХОРОШИХ ВСЕГДА ЗАБИРАЮТ ДОМОЙ».

— Кто помог написать? — спросила Лина.

— Бабушка.

У неё перехватило дыхание.

— Бабушка написала эти правила?

— Нет. Я говорил, она буквы.

— Она знала, что здесь написано?

— Я не всё показал.

Елена Олеговна положила лист на стол.

— Артём, правила помогают тебе не бояться?

Он кивнул.

— Получается соблюдать все?

— Нет.

— И что происходит, когда не получается?

— Я плохой.

— Значит, правила не защищают. Они пугают.

Мальчик посмотрел на бумагу.

— Их выбросить?

Лина почти ответила «да».

Ей хотелось разорвать лист и уничтожить каждую строку. Но тогда они снова спрятали бы неприятную правду.

— Не будем выбрасывать, — сказала она. — Напишем рядом другие правила.

Елена Олеговна дала им чистый лист.

Андрей написал:

«ВЗРОСЛЫЕ САМИ ОТВЕЧАЮТ ЗА СВОИ ЧУВСТВА».

Лина добавила:

«ОБ ОШИБКЕ МОЖНО СКАЗАТЬ ДО ТОГО, КАК ИСПРАВИЛ».

Артём долго думал, потом попросил:

— Напиши: «ПЛАКАТЬ МОЖНО».

— Хорошо.

— И ещё: «ПРЯТАТЬ ЛЮДЕЙ НЕЛЬЗЯ».

— Людей нельзя запирать, — уточнила Лина.

— Да.

Последнюю строчку он написал сам, неровно и с ошибками:

«ДОМОЙ ЗАБИРАЮТ ВСЕХ ДЕТЕЙ».

Он показал маме.

— Правильно?

— Да.

— И Вику?

— Вику уже забрала её мама.

— Она вернётся?

— Не знаю.

— Я скажу ей прости.

— Скажешь. Но Вика может пока не захотеть с тобой разговаривать.

— Тогда она плохая?

— Нет. Ей нужно время.

— А я буду ждать?

— Да.

По дороге домой Лина позвонила Марии.

— Ты помогала Артёму писать правила хорошего мальчика?

Мать замолчала.

— Он сам придумал. Я только подсказала буквы.

— Ты видела, что там было написано?

— Несколько строк.

— «Не пугать бабушку» видела?

— Да.

— Почему не остановила?

— Я сказала, что он очень заботливый.

Лина закрыла глаза.

— Ему пять лет. Он не должен заботиться о твоём страхе.

— Я не просила.

— Я тоже не просила его быть хорошим, чтобы меня не подвести. Но он услышал.

Мария тяжело вздохнула.

— Что случилось?

Лина рассказала о Вике.

— Это детская ссора, — сразу ответила мать. — Не позволяй делать из него преступника.

— Он удерживал девочку в закрытом домике.

— Потому что сам пережил стресс.

— Это объясняет его поступок, но не делает поступок допустимым.

— Ты должна защищать сына.

— Я и защищаю. В том числе от мысли, что его боль даёт право причинять боль другим.

Мария замолчала.

— Поговори с ним, — продолжила Лина. — Скажи, что он не обязан быть осторожным ради тебя.

— Но я действительно волнуюсь.

— Это твоя ответственность.

— Понимаю.

На этот раз в голосе матери не было обиды.

— Я скажу.

Через три дня состоялась встреча с мамой Вики, заведующей и психологом.

Артём принёс рисунок. На нём двое детей стояли возле дома без двери.

— Я больше не закрою, — сказал он.

Вика спряталась за мать.

— Не хочу с ним играть.

Артём посмотрел на Лину.

Она не стала просить девочку простить его.

— Хорошо, — ответил он после паузы.

Это слово далось ему трудно.

Вику перевели на две недели в соседнюю группу по просьбе матери. Артём вернулся в садик, но играл только под наблюдением воспитателя. Игровой домик временно убрали.

Каждый вечер родители спрашивали не «Ты хорошо себя вёл?», а:

— Что сегодня получилось?

— Где было трудно?

— Нужна ли помощь что-нибудь исправить?

Сначала Артём отвечал:

— Всё хорошо.

Потом однажды признался:

— Я толкнул мальчика.

— Почему? — спросил Андрей.

— Он взял мою машину.

— Что было потом?

— Я сказал Ирине Павловне.

— Сам?

— Да.

— И что вы сделали?

— Он вернулся. Я извинился.

Артём смотрел на родителей, ожидая, изменятся ли их лица.

— Спасибо, что сказал правду, — ответила Лина. — Толкаться нельзя. Завтра спросишь у мальчика, не болит ли рука.

— А ты не сердишься?

— Немного сержусь из-за толчка. И рада, что ты не скрыл.

— Вместе?

— Вместе.

Мальчик задумался.

— Так можно?

— Оказывается, можно.

Перед сном Лина нашла старые и новые правила под подушкой Артёма. Он не выбросил первый лист. Хранил оба рядом.

Она не стала забирать.

Ребёнок не мог отказаться от прежнего способа выживания только потому, что взрослые однажды написали правильные слова.

Новые правила должны были снова и снова подтверждаться жизнью.

Лина выключила свет и оставила дверь приоткрытой.

На кухне лежал её собственный детский лист:

«Мой ребёнок всегда будет знать, что его любят. Даже если он ошибётся».

Теперь она понимала, чего в этом обещании не хватало.

Ребёнку мало знать, что его любят после ошибки.

Ему нужно увидеть, что ошибку можно признать, исправить — и не передать дальше другому человеку.

Глава 23. Бабушка, которая решила уйти

Мария приехала в воскресенье утром.

Позвонила в дверь ровно в десять, хотя обычно предупреждала о приезде за несколько часов. В одной руке она держала матерчатую сумку, в другой — деревянную утку с заново приклеенным крылом.

— Можно войти? — спросила она.

Лина отступила от двери.

— Конечно.

Мария разулась и увидела Артёма. Он сидел за столом и рисовал.

— Я принесла твою утку.

— Она не моя.

— Теперь твоя. Хозяин кафе сказал, что фигурка ему больше не нужна.

Артём не протянул рук.

— Я её сломал.

— Ты уронил. А мы с бабушкой починили.

— Дедушка не ругался?

— Сначала немного.

— На меня?

Мария помолчала.

— На меня. Потому что я хотела спрятать утку и никому не говорить.

Мальчик посмотрел на маму.

— Бабушка тоже соврала?

— Да, — ответила Мария. — И мне нужно было это исправить.

Она поставила фигурку на стол.

Артём осторожно потрогал приклеенное крыло.

— Оно опять сломается?

— Может.

— Потому что плохое?

— Нет. Потому что уже было сломано. Иногда после ремонта вещь требует осторожности.

— А если сломается?

— Попробуем починить ещё раз.

Мария произнесла это и посмотрела на Лину.

В её взгляде было что-то непривычное. Не страх и не ожидание одобрения. Скорее решимость человека, который долго готовился сказать неприятную правду.

— Андрей дома? — спросила она.

— В магазине. Скоро вернётся.

— Хорошо. Я хотела поговорить со всеми.

Артём прижал утку к груди.

— Я тоже все?

— Ты особенно.

Мария села напротив внука.

— Мама рассказала, что я помогала тебе писать правила.

Он насторожился.

— Я сам придумал.

— Знаю. Но я помогла написать слова и сказала, что ты молодец.

— Потому что хорошие правила.

— Нет. Некоторые были неправильными.

— Какие?

— «Не пугать бабушку».

— Ты пугаешься.

— Это правда. Но ты не обязан строить свою жизнь так, чтобы я никогда не испугалась.

Артём нахмурился.

— Тогда ты можешь заболеть.

— Могу. Но не из-за тебя.

— Мама сказала, взрослые сами отвечают.

— Мама права.

— А если ты упадёшь?

Мария посмотрела на Лину. Вопрос напомнил им обоим больничный коридор.

— Тогда нужно позвать врача, — ответила она. — Но тебе не нужно всё время следить, чтобы я не упала.

— Почему?

— Потому что ты ребёнок. Твоя работа — расти, играть, учиться и иногда не слушаться.

— Можно не слушаться?

— Иногда можно не соглашаться. Но правила безопасности всё равно нужно выполнять.

— А если я не выполню?

— Мы будем разбираться с поступком. Но я не стану говорить, что заболела из-за тебя или больше не приду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.